

УДК 811.161.1'373.6
ББК Щ141.12-323

С.В. Лыжин
Екатеринбург

**Этимологические заметки: диалектные дериваты
праславянского **boi-* / **bei-***

Аннотация: В данной статье представлены новые этимологии некоторых диалектных слов, восходящих к древнему праславянскому глагольному корню **boi-* / **bei-* ‘бить’ (русские репрезентанты *би-*, *бой-*, *бей-*, *бж-*). В качестве источника первичного материала используются данные Словаря русских народных говоров, для получения сопоставительных данных – полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета и факты, зафиксированные различными диалектными словарями, в том числе Словарем живого великорусского языка В.И. Даля. Отобраны лексемы, которые ранее не подвергались этимологической интерпретации и в которых наличествуют некоторые фонетические или семантические отклонения от привычных словообразовательных моделей.

Ключевые слова: русские говоры, Русский Север, этимология, региональная лексикография, словообразовательная модель, праславянский корень.

Сведения об авторе:

Лыжин Сергей Васильевич, студент 3 курса филологического факультета ИГНИ УрФУ (Екатеринбург).

Контакты: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; fasmer@yandex.ru.

S.V. Lyzhin
Yekaterinburg

Etymological notes: dialectal derivatives proto-Slavic **boi-* / **bei-*

Abstract: In this article a new etymology of some dialect words dating back to ancient proto-Slavic verbal root **boi-* / **bei-* ‘to beat’ (the Russian representatives of *bi-*, *boj-*, *bay-*, *bj-*). As a source of primary material use data from the Dictionary of Russian folk dialects, to get comparative data – field recordings of the Toponymic

expedition of the Ural University and the facts fixed in various dialect dictionaries, including a Dictionary of the living great Russian language V.I. Dal. Selected tokens that were not previously subjected to etymological interpretation, and which has some phonetic or semantic deviation from the usual word-formation models.

Key words: Russian dialects, Russian North, etymology, regional lexicography, word-formative model, the proto-Slavic root.

About the author:

Lyzhin Sergej Vasiljevich, Student of Philological Faculty, Ural Federal University (Yekaterinburg).

Дериваты, восходящие к праславянскому глагольному корню **boi-* / **bei-* ‘бить’, в русском языке достаточно частотны, хотя их исходная мотивированность нередко оказывается затемненной под воздействием фонетических изменений, процессов переразложения и опрощения и, наконец, в результате ощутимых семантических сдвигов. Данные этимологические заметки имеют целью доказать принадлежность ряда диалектных лексем к указанному древнему корню, чтобы в дальнейшем полученные результаты позволили уточнить объем этимологическо-словообразовательного гнезда глагола *бить* в русском языке. Исходный материал извлечен из Словаря русских народных говоров (далее – СРНГ). Обратимся к исследуемым лексемам.

Бидух. В СРНГ лексема зафиксирована в значении ‘человек, занимающийся сбором кедровых шишек’ том. [7, т. 2, с. 289]. Если предполагать, что это континуант этимолого-словообразовательного гнезда **bei-/*boi-*, то следует выделить корень *би-*, где *-и-* дифтонгического происхождения (< **oi*). Это предположение подтверждается лексемами с прозрачной внутренней формой и идентичной семантикой (КЛС деятеля), встречающимися также на территории Сибири. Ср.: *боёц* ‘человек, занимающийся сбором кедровых шишек бойком⁸’ том., кемер.,

---

⁸ *Боёк* ‘палка, по большей части рябиновая, с петлёй для привешивания на шеню; употребляется для сбивания кедровых орехов; а также палка с насаженным на конце долотом для битья бересты’ том., кемер., свердл.; ‘большая колотушка, которой бьют по стволу кедра при сборе кедровых шишек’ том.) [7, т. 3, с. 59–60].

ср.-урал. [7, т. 3, с. 60], *бо́йщик* ‘человек, занимающийся добычей кедровых шишек; тот, кто сбивает кедровые шишки’ том. [Там же, с. 68] и *сбо́йщик* ‘человек, занимающийся сбором кедровых шишек’ том., ср.-обск. [7, т. 36, с. 180]. Более того эта гипотеза поддерживается на уровне семантики другими дериватами этого же праславянского гнезда: собственно действие: *бить* ‘сбивать при помощи специальных приспособлений’ кемер., том., ср.-урал. [7, т. 2, с. 300], *отбивать шишки* ‘обмолачивать кедровые шишки’ новосиб. [7, т. 24, с. 115]; процесс (субстантивир.): *бой* ‘сбор кедровых шишек, кедровых орехов’ ср.-урал., кемер. [7, т. 3, с. 66]; инструменты: *биток* ‘палка, шест для сбивания кедровых орехов’ иркут. [7, т. 2, с. 299], *боёк* (см. сноску) том.

Лексема *биток* (< *bitъ < *biti [См. 10, т. 2, с. 101; 5, т. 3, с. 213]) также зафиксирована в говорах Сибири в значении ‘берестяная конусообразная корзинка с ручкой для собирания ягод’ сиб., камч., якут. [7, т. 2, с. 299]. А.Е. Аникин утверждает, что название мотивировано способом собирания ягод [5, т. 3, с. 213]. Вполне возможной кажется экстраполяция этого суждения на *биток* в значении ‘палка, шест для сбивания кедровых орехов’.

Вышеописанные лексемы формируют достаточно обширный и устойчивый круг номинаций процессов сбора и последующей обработки кедровых шишек. В этот же ряд вписывается и объект нашего анализа.

В слове *биду́х* можно выделить суффикс -ух- со значением носителя процессуального признака (ср. *пасты* – *пастух* [4, с. 156]). В этом случае -д-, предположительно, наращение глагольной основы за счёт финали *т*. Ср. *битух* ‘игрок в бабки, который бьет в кон’ волог. [7, т. 2, с. 299]. Вероятно, *д* – результат озвончения глухого согласного звука в интервокальной позиции, являющееся чертой диалектной фонетики.

Билень, било, била, бильцы. СРНГ вслед за В.И. Далем фиксирует лексемы *би́лень* влад. и *би́ло* влад. в значении ‘облучок у саней’ [2, т. 2, с. 88; 7, т. 2, с. 291], *би́ла*, мн. ‘разводы, отводы санные, дуги’ нижегор. [2, т. 2, с. 88], ‘изогнутые брусья, идущие от передка саней, служащие для придания им устойчивости’ нижегор., курск., орл. [7, т. 2, с. 291]. В СРНГ есть также

лексема *бiльцы* ‘дощечки у саней, к которым привязывают верх (кибитку)’ [7, т. 2, с. 292]. По формальным признакам эти лексемы можно полагать континуантами праславянского корня **boi-/*bei-*. В таком случае в них выделяется корень **bi-* и аффиксы **-dl-* у *бiло* (< **bidlo* < **biti*) и *-ень* для производного *бiлень*. ЭССЯ предлагает праславянскую форму **bidьнь* (*-ень* < **-ьнь*) [10, т. 2, с. 96], однако А.Е. Аникин пишет, что праславянская древность этой формы маловероятна [5, т. 3, с. 182].

С точки зрения семантики, суффикс **-dlo* – орудийный [Там же, с. 185–186]. Потому не вызывают сомнений другие значения слов *бiло* и *бiлень* в русских говорах. Ср.: ‘пестик к ступе’ пск., ‘язык у колокола’ пск., смол., ‘маслобойный пресс’ твер. [7, т. 2, с. 291–292].

В значении ‘облучок у саней’ интересен семантический переход от орудия к объекту действия. Суффикс *-ень* обладает более широкой, чем **-dlo* семантикой по отношению к действию: субъект, результат, орудие действия [4, с. 154]. В том числе это может быть и объект действия («то, что прибито»). Ср. рус. *ставень*, *плетень*. Поскольку *билень* – первоначально прилагательное, производное от **bidlo* при помощи суффикса **-ьн-* [10, т. 2, с. 96] – возможно допустить параллельное развитие семантики производного и производящего слова, взаимовлияние после субстантивации. Это подтверждается целым рядом значений (см. выше), которыми обладают обе лексемы. Ср. укр. *бiло* ‘крылья или отводы в санях, предназначенные для того, чтобы они не опрокидывались’ [Там же, с. 95].

Лексему *бiльцы* ЭССЯ возводит к прасл. **bidььсе*, производному с суффиксом **-ьсе* от **bidlo* [Там же, с. 96].

Особого внимания требует донское *бiльца* мн. ‘продольные бруски у бороны’ (ед. *бiльце*) [7, т. 2, с. 292], являющееся морфологическим вариантом предыдущего слова.

Развитие семантики, вероятно, мотивировано способом действия бороны на землю: именно эти продольные бруски и были оснащены зубьями для измельчения верхнего, пахотного слоя земли. Либо речь идет о мотивации способом изготовления. Ср. ст.-польск. *bidlo* ‘брус в бороне, усаженный гвоздями’ [10, т. 2, с. 95], т. е. то, чья поверхность вся «убита» гвоздями.

Битовня ‘ватага рыбная, становье, место, где обряжают и солят рыбу’ арх. [2, т. 1, с. 91]. В.И. Даль также фиксирует значение ‘бойня, место, где бьют скот’ арх.

Интересующее нас значение, очевидно, вторично. Предположительно, в архангельских говорах мог произойти перенос семантики: становье, вероятно, коннотативно сопоставимо со скотобойней по производимым там действиям. Ср. описание становья на Мурманском берегу С.В. Максимова: «...тяглец отвёртывает головы, кормщик пластает рыбу, надрезая её по спине впродоль, и вынимает внутренности, вместе с хребетною костью, которая зуйками выбрасывается вместе с головами рыбы в море как ненужная» [3, с. 202].

Бойный ‘буйный’ калуж., пск. [7, т. 3, с. 67–68]. ЭССЯ указывает это значение, возводя к праславянскому **bojъnъ(jь)*. [10, т. 2, с. 169]. Там же приводится укр. диал. *боїни* ‘буйный’.

Такая семантика встает в один ряд со схожими, образующими устойчивое и обильно наполненное семантическое поле энергичности, подвижности, бойкости человека. Ср.: рус. *боевой* ‘действующий энергично, решительно, бойкий’ [1, т. 2, с. 93–96], *разбитной* ‘бойкий, живой’ [1, т. 22, с. 164], *пробивной* ‘энергичный’ [1, т. 20, с. 624]; рус. диал. *битвенный* ‘бойкий, подвижный’ арх. [7, т. 2, с. 297], *боёвской* ‘энергичный, бойкий’ ср.-урал. [7, т. 3, с. 59], *боёк* ‘бойкий человек’ горьк. [Там же, с. 59–60], *бойкящий* ‘очень бойкий, расторопный человек’ [Там же, с. 67], *бойчак* ‘бойкий человек’ влад., курск. [Там же, с. 68], *отбёчный* ‘слишком бойкий’ дон. [7, т. 24, с. 118], *побойный* ‘бойкий’ петерб. [7, т. 27, с. 199], *побойский* ‘бойкий’ пск. [Там же], *прибойный* ‘энергичный’ волог. и др.

Набивушка ‘вид ружья’ ср.-амур. [7, т. 19, с. 115]. Общий вид дефиниции и отсутствие иллюстративного контекста не позволяют развернуть ряд полноценных доказательств. Однако можно предположить, что так называли разновидность ружья, которое заряжалось патронами, набитыми пыжами (прокладками в патроне, отделяющими пулю от заряда). Ср.: рус. проф. (в речи охотников) *набивать пыжи*.

Тогда лексему *набивушка* можно признать связанной с глаголом через промежуточное именное звено в словообразователь-

ном ряду: *набивать* – **набивуха*⁹ – *набивушка*. Однако в русском словообразовании аффикс *-ух(а)* называет предмет, производящий действие, названное мотивирующим глаголом. Ср.: рус. *развалуха, скрипуха, свистуха* [4, с. 152]. В то же время Н.В. Суворова со ссылкой на Г.А. Николаева говорит об усилении глагольности в процессе развития русского языка: «... имена существительные, обозначающие действие, действующее лицо, орудие, место и результат действия ... стали осмысляться как отглагольные производные независимо от их действительного происхождения, поскольку значение действия является общим категориальным значением глагола, а не имени» [9, с. 5].

В диалектах суффикс отыменных существительных *-ушк(а)* обладает также диминутивной семантикой, но способен к полной десемантизации. Н.В. Свешникова приводит такие лексемы в качестве примера: *боровушка* ‘бор’, *блеснушка* ‘блесна’, *звенушко* ‘звено’ [6].

Возможно, есть связь лексемы *набивушка* с разг. значением глагола *набивать* ‘убивать на охоте какое-л. количество зверя, птицы’ [1, т. 11, с. 23–25]. Тогда, по Н.В. Суворовой, это может быть непосредственно deverбалив, который в ее классификации относится к семантическому подтипу ‘предмет, производящий действие или предназначенный для совершения действия, названного мотивирующим глаголом’. Ср.: *игрушка* ‘то, чем играют’ [9, с. 163–164]. Исходя из этой логики, *набивушка* – то, чем набивают, т. е. убивают.

Однако исследователь предполагает, что слово *набивушка* ‘ружье’ мотивировано глаголом *набивать* ‘начинять’ и относится к семантическому подтипу ‘предмет, который является объектом действия, названного мотивирующим глаголом’ [9, с. 14–15].

Набойник ‘набойчатый самовар’ пск., твер. [2, т. 3, с. 386; 7, т. 19, с. 124]. СРНГ дублирует дефиницию В.И. Даля, который определяет слово *набойник*, используя диалектную лексему *набойчатый* [удар.?], не поясняя ее значения.

В СРНГ *набойчатый* ‘искусственный (о мехе)’ брян., ‘сшитый из искусственного меха’ брян. [7, т. 19, с. 125], что ни тер-

---

⁹ В СРНГ зафиксирована лексема *набивуха*, но в семантически далёком значении ‘перина’ свердл. [7, т. 19, с. 115].

риториально, ни семантически не соотносится с исследуемым словом. Также приводится значение ‘сшитый из набивной ткани (набойки)’ моск. [Там же].

Для лексемы *набóйник*, кроме того, зафиксированы следующие значения: ‘самодельная набивная ткань’ пск., твер., арх., перм.; ‘сарафан из набивной ткани’ пск., твер., арх., вят., перм.; ‘платье из набивной ткани с узорами’ арх.; ‘юбка из набивной ткани с узорами’ пск., перм. [7. т. 19, с. 124].

Если рассматривать исследуемое слово как многозначное, можно, с учетом совпадающего ареала, предположить развитие семантики в псковских и тверских говорах: перенос по ДС ‘узор’ с одежды на предмет утвари (здесь – самовар) – вполне вероятно, что на самовар тоже набивался узор или рисунок. К сожалению, неясная дефиниция и отсутствие контекста не позволяют делать более обоснованных утверждений.

Побóешно ‘побочно, на стороне, частным образом’ р. Урал [7, т. 27, с. 199]. Фонетическое сходство со словом *побочно* заставляет думать о *поббешно* как о диалектном варианте. Такая дефиниция семантически поддерживается рядом единиц изучаемого гнезда. Ср.: рус. *отбойный* ‘отдаленный, глухой, заброшенный’ [1, т. 14, с. 327], *отбиваться* ‘отдаляться, отстраняться’ [Там же, с. 321–323]; рус. диал. *отбív* ‘отделение, удаление от кого-, чего-либо’ кубан. [7, т. 24, с. 114–115], *отбóйное место* ‘отдаленное, глухое место’ сиб., бурят., южн.-урал. [Там же, с. 119–120] и др.

Подбéйка ‘печенье из непросеянной муки’ бурят. [7, т. 27, с. 335], **пóдбить** ‘сдоба (в тесте)’ пск., твер. [Там же, с. 340].

Наименования мотивированы способом добавления муки, дрожжей и т. п. во что-л. жидкое. Добавляя их, смесь взбалтывают, взбивают. Ср.: рус. *подбивать тесто* ‘перемешивать, взбивая или добавляя в тесто муки, сдобы и т. п.’ [1, т. 17, с. 429–432], *подбívка* ‘приправа к кушанью’ [Там же, с. 433], *подбóйка* ‘мучная заправка с яйцом или жирами’ [Там же, с. 440]; рус. диал. *подбивать* ‘взбалтывая, подмешивать (муку, дрожжи и т. п.) во что-л. жидкое’ сталингр., груз., р. Урал, перм., новосиб., тобол., ряз., ‘сдабривать (кушанье), заправлять, помешивая’ чкал., р. Урал, челяб., ‘добавлять муку в арбузный сок (при приготовле-

нии арбузного мёда) терск., *подбивать хмелины* 'приготавливать закваску для теста из дрожжей и муки' дон., *подбить гущу* 'добавить в квасную гущу муки (для возобновления брожения)' новосиб., *подбивать блины, оладьи* 'приготавливать тесто для блинов, оладий, взбивая его' чкал., ряз., дон. [7, т. 27, с. 336–337].

Убивальница 'рубаша невесты из тонкого полотна' орл. [7, т. 46, с. 117]. Мотивировано тем, что в этой рубаше невеста «убивается», т. е. плачет. Ср.: рус. разг. *убиваться* 'чрезмерно предаваться отчаянью, горю, страданию' [8, т. 16, с. 44–46], рус. диал. *слезами убиться* 'залиться слезами, заплакать, зарыдать' карел. [7, т. 46, с. 119].

Особого разговора заслуживают лексемы, включаемые в гнездо *бить* Словарем русских народных говоров. Таких единиц три: *битва́* 'верёвочная лестница' арх. [7, т. 2, с. 297], *битвина́* 'гибкая лоза, употребляющаяся для связывания кольев и изгороди' костром. [Там же], *битвина́* 'ботва' арх. [Там же], *забитушки* 'кручёные хлебцы' дон. [7, т. 9, с. 258]. Слова *битвина́*, *битвина́* и *забитушки*, несомненно, относятся к этимологическо-словообразовательному гнезду *viti (мена *б/в* – частотное явление в говорах). Слово *битва́* А.Е. Аникин связывает с глаголом *бётать*, также *бйтаться*, *битать* и сравнивает с «материально близким *битвён* (< битенг, причины появл. в непонятны)» [5, т. 3, с. 210–211]. Нам, однако, кажется, что и в данном случае речь идет об исходном *витва как деривате глагола *вить*. Таким образом, следует исключить приведенные единицы из этимологическо-словообразовательного гнезда *бить*.

Литература

1. БАС – *Большой академический словарь русского языка*: в 23 т. – 3-е изд. – М.; СПб.: Наука, 2005–2014.
2. *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка: в 4 т. – 2-е изд. – М.; СПб., 1880-1882.
3. *Максимов С. В.* Год на Севере. – М.: Издание П. Н. Прянишникова, 1890.
4. РГ-80 – *Русская грамматика*: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1.

5. РЭС – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь: в 6 т. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–2012.

6. *Свешикова Н. В.* Модели диминутивного словообразования в русских говорах (функциональный аспект) // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. – СПб: Наука; Вологда : ВГПУ, 2007.

7. СРНГ – *Словарь русских народных говоров* : в 48 т. – М.; СПб.: Наука, 1965–2016.

8. ССРЛЯ – *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. – 1-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

9. *Суворова Н. В.* Отглагольные существительные с суффиксами *-аг(а)*, *-ак(а)*, *-ух(а)* и *-ушк(а)* в истории русского языка : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Суворова ; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – Москва [б. и.], 1999.

10. ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков: (Праславянский лексический фонд)*: в 38 т. / Под ред. О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1963–2014.

©Лыжин С.В., 2016